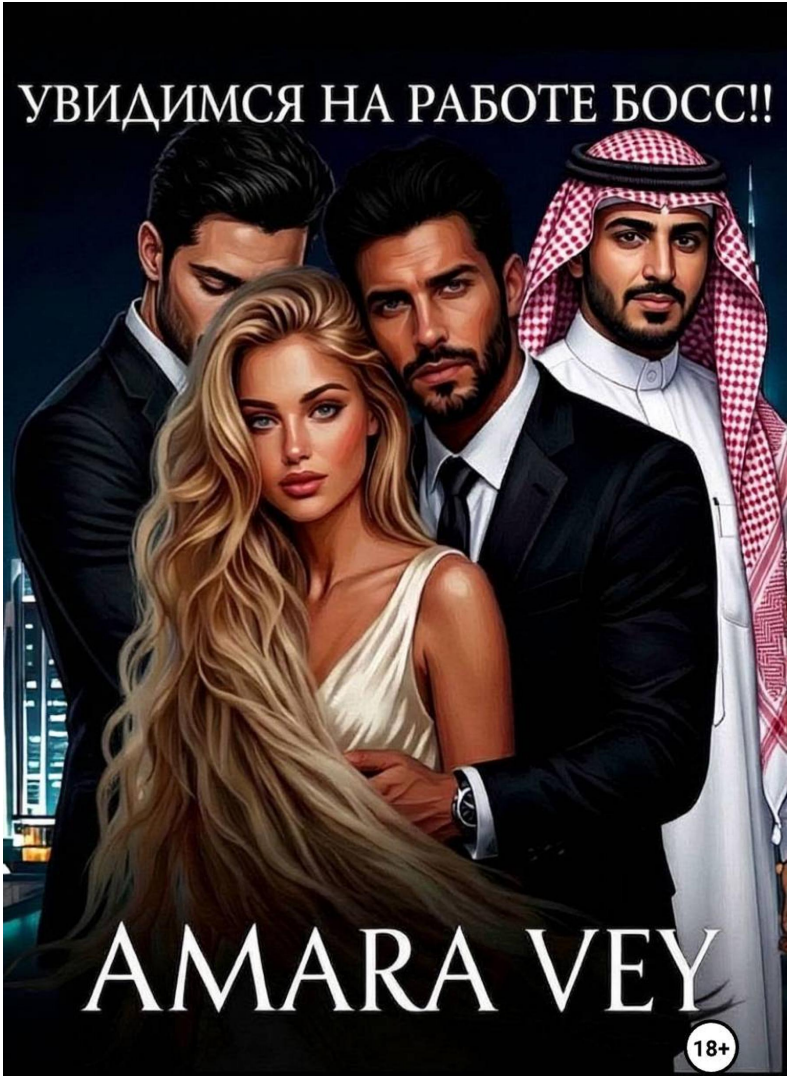

УВИДИМСЯ НА РАБОТЕ БОСС!!
AMARA VEY
18+

Amara Vey
Увидимся на работе босс!

https://litres.ru/74702377
SelfPub; 2026

Аннотация

Детский дом, золотая медаль, чужая страна — она построила себя с нуля. Теперь вокруг неё — закрытые клубы, лимузины, виллы и люди, чьи решения меняют рынки. Мир, где всё можно купить.

Почти всё. Иногда она надевает маску и исчезает там, где не задают вопросов. Там её ждёт Незнакомец, чьё молчание теплее слов. Она не знает, кто он. Он узнал её сразу — и промолчал.

А империя, чей доход сравнивают с бюджетами государств, уже завела на неё досье. И знает даже фразу, которой она закрывает каждое рабочее сообщение: «Увидимся на работе, босс!»

Содержание

Глава первая. Точка, после которой начинается всё 5
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Amara Vey

Увидимся на работе босс!

Увидимся на работе, босс!

Роман

Миллиардер, маска и женщина, которую нельзя купить

Глава первая. Точка, после которой начинается всё

Двери бизнес-центра закрылись за мной с тихим, почти деликатным щелчком — будто кто-то аккуратно поставил точку в конце длинного предложения. И вот я стою на крыльце, и ветер, московский, октябрьский, лёгкий и прохладный, как пальцы, скользящие по разгорячённой щеке, касается моего лица — и мне вдруг становится так хорошо, так свежо, будто я не из здания вышла, а из-под воды вынырнула. Жадный вдох. Ещё один. Воздух пахнет палой листвой и холодным камнем, и где-то очень высоко, над321 стеклянными фасадами, над рекламными щитами, над всей этой безумной, бесконечной Москвой, небо расходится бледной сияющей полосой — словно кто-то провёл мелом по серому холсту.

Я стою и смотрю на это небо, и мне хочется плакать. Но я не плачу. Я разучилась.

Позади меня — не просто элитный бизнес-центр. Позади — целая история. Моя история. История девочки-сироты из Воронежа, которая экстерном закончила школу с золотой медалью и поступила в МГУ. И всё это — с одной целью: добиться успеха, навсегда перестать чувствовать себя никчёмной.

— — —

Пока другие девочки мечтали о мальчиках, я мечтала открыть своё дело. Мечтала так, как другие мечтают о любви — с той же отчаянной, жадной, бессонной тягой. Я представляла себе офис, свой офис, с большим окном и видом на город. Представляла, как буду сидеть за столом, и люди будут приходить ко мне — не потому, что я чья-то дочь или чья-то жена, а потому, что я этого добилась сама.

Москва видит таких, как я, каждую секунду. Тысячами. Точнее — десятками тысяч. Провинциальных девочек с горящими глазами и дипломом в кармане, которые приезжают покорять столицу. И потому всё не могло быть так просто. Но я знала. Я готовилась.

Ещё в Воронеже я тайком подрабатывала — в салоне красоты. Туда меня привела Жанна. Жанна... Жанна была моей главной советчицей, моим проводником в мир, который я прежде знала только по журналам, украденным из библиотеки детского дома.

Сестра Жанны, Вероника, работала у нас — что-то вроде воспитательницы. Жанна приходила часто, привозила детям подарки: конфеты, книжки, наборы для рисования. Своих детей у неё не было — муж не хотел чужих. Чужих! Как будто дети — это инвентарь, которому можно присвоить категорию принадлежности.

Впрочем, всё оказалось просто и по классике. В один из дней Жанна узнала, что у мужа есть молодая любовница. И

эта любовница ждёт от него ребёнка.

— Он думал, я буду рыдать, — Жанна говорила это спокойно, почти весело, накручивая на палец прядь идеально уложенных волос. — Он ждал истерики. А я ему сказала: «Ну что ж, удачи тебе. А я забираю своё и ухожу».

И ушла. Тоси-боси, как она говорила, — ни одной слезинки. Потому что Жанна сильно не держалась за его бизнес. У неё был свой салон красоты. Свой фитнес-зал. Всё, что она создала, осталось при ней — благодаря Веронике, которая когда-то помогла ей начать.

— Мужик — это не стратегия, — сказала мне Жанна, когда мне было шестнадцать. — Мужик — это приложение. Бывает полезное, бывает вредоносное. А ты, девочка, будь операционной системой.

В её салоне я начала с малого: подрабатывала администратором, потом — помощницей мастера. На мне испытывали модели: всякие макияжи, смывки, пилотные процедуры. Я терпела — и красилась, и смывалась, и снова красилась. И училась. Получила первый курс по макияжу, начала делать брови, потом освоила ламинирование. Жанна говорила: «Руки у тебя золотые, только голову не потеряй».

Голову я потеряла позже. Но не в салоне.

— — —

В Москве, кроме учёбы, я продолжала работать: в общежитии делала процедуры всем девчонкам с потока, за полцены, — но этого было более чем достаточно: у меня были

и деньги, и много знакомых. А потом соседка по комнате притащила меня в ресторан. Она училась на третьем курсе на юридическом, я — на переводческом. «Тебе надо, — сказала она, — там такие люди приходят, вся элита Москвы». И не обманула. Я подрабатывала официанткой. В одном из тех ресторанов, где меню весит больше, чем поднос, а гости смотрят сквозь тебя, словно ты часть интерьера. Мне было семнадцать. Никаких романов, ни с кем — не встречалась, не целовалась, не знала, для чего всё это нужно. Бизнес, карьера, цель — вот что занимало мои мысли. А потом он вошёл.

Дверь ресторана открылась, и вечерний ветер ворвался следом — холодный, резкий, будто сам хотел предупредить меня. Но я уже не слышала ничего. Только его. Высокий, в тёмном пальто, с таким лицом, на которое невозможно смотреть равнодушно. Скулы, как у античной статуи, тёмные глаза — внимательные, цепкие, — и эта спокойная, уверенная манера двигаться, будто он один в этом зале знает, зачем сюда пришёл. Он был красив так, что больно. Так, что хочется отвернуться и не получается.

Я замерла с подносом в руках. И забыла — обо всём. О таблицах, о формулах, о своём блестящем плане покорения мира. Просто стояла и смотрела, как дура, с подносом, на котором дрожали два бокала с просекко.

— Простите, — я наконец выдохнула, когда он сел за столик и поднял на меня взгляд. — Что вы будете заказывать?

Он посмотрел на меня — внимательно, неспешно, будто

читал что-то мельчайшее в моих глазах. И ничего не ответил. Только чуть приподнял уголок губ.

Он ушёл в тот вечер, возможно, не обратив на меня внимания. Так мне казалось. Но я потом долго не видела его — несколько месяцев — и всё это время ждала. Не уходила с работы, сменяла чужие графики, брала дополнительные часы, только чтобы быть в зале, когда он придёт. Потому что я знала — он придёт.

И он приходил. Раз в три месяца — как смена сезона, как закон природы. Входил, садился за тот же столик, заказывал одно и то же. Я подавала. Он смотрел. Я уходила и чувствовала его взгляд на своей спине — горячий, как прикосновение.

А потом мне исполнилось восемнадцать.

— — —

Он появился, как всегда, — без предупреждения. Сел за столик, подождал, пока я подойду. И вдруг сказал:

— Ты сегодня свободна вечером?

Я чуть не выронила меню. Мир на мгновение замер, и в этой тишине я слышала только стук собственного сердца — быстрый, панический, радостный.

— Я... — голос дрожал, и я ненавидела себя за это. — Да.

— Я запишу тебя, — он улыбнулся, и эта улыбка была как первый свет после долгой зимы. — Я обратил на тебя внимание ещё при первой встрече, знаешь.

— Правда? — я почувствовала, как краснею.

— Правда. Но я выяснил о тебе всё. Возраст, в том числе. — Он помолчал. — Мне пришлось немного подождать.

— Ждали три месяца?

— Дольше.

Через несколько месяцев мы поженились. Как в сказке — той, в которую я никогда не верила. Свадьба была маленькой, закрытой, в ресторане на Патриарших. Белое платье, свечи, его рука на моей талии — тёплая, уверенная, единственная опора в мире, который вдруг перевернулся.

Я знала, что он влиятельный. Успешный. Что вокруг него — толпы женщин, которые мечтали стать хотя бы частью его жизни. Не женой — хотя бы тенью. Секретарши, помощницы, модели — все они очень быстро ушли из его жизни, когда узнали о свадьбе. Но, к сожалению — ненадолго. Они возвращались. Как дым — сколько ни выгоняй, просачивается сквозь щели.

Впрочем, я не ревновала. Мне было хорошо. Мне было впервые в жизни так хорошо, что страшно.

— — —

Первая ночь. Наша первая ночь.

Мы вернулись из ресторана, и в номере отеля — белоснежном, огромном, с окном на всю ночную Москву — он остановился у двери и обернулся. Я стояла посреди комнаты, и руки мои дрожали, и я не знала, куда их деть. Восемнадцать лет без единого прикосновения — и вот теперь вся жизнь сжалась до этого момента, до этого номера, до его взгляда.

— Ты боишься, — сказал он. Не спросил. Сказал.

— Немного, — призналась я.

Он подошёл медленно. Не торопясь. Будто давал мне время отступить — если захочу. Но я не хотела. Я не дышала. Он остановился совсем близко, и я чувствовала его тепло — не от тела, а от чего-то большего, от самой его сущности, — и поднял руку. Коснулся моей щеки. Лёгко. Как ветер на крыльце бизнес-центра — много позже. Ладонь скользнула к подбородку, пальцы — по линии шеи, и я закрыла глаза, потому что открыть их не было сил.

— Я не сделаю тебе больно, — прошептал он, и губы его были уже так близко, что я ощущала их тепло на своих губах.

Поцелуй — первый в моей жизни — был медленным. Осторожным, будто он пробовал меня на вкус, будто учился. Руки его — большие, тёплые, уверенные — двигались по моей спине, расстёгивая крючки платья с терпением хирурга. Я не помогала и не мешала. Я просто стояла и чувствовала, как ткань сползает с плеч, как воздух касается обнажённой кожи — и мне было не холодно, нет, мне было жарко, и этот жар шёл изнутри, из какого-то места, о существовании которого я прежде не знала.

Он отступил на полшага — посмотреть на меня. И я увидела его глаза. Тёмные, расширенные, с каким-то новым, незнакомым мне огнём. Он смотрел так, будто видел меня впервые — или впервые по-настоящему.

— Ты прекрасна, — сказал он просто.

И я поверила. В первый раз в жизни — поверила, что прекрасна.

Он подхватил меня на руки и понёс к кровати — легко, будто я ничего не весила. Положил на белоснежные простыни, и я утонула в них, как в облаке. Он лёг рядом, и я почувствовала тяжесть его тела — тёплую, надёжную, — и его губы на моём плече, на ключице, на шее. Каждый поцелуй — как вопрос, на который я отвечала молча, изгибаясь навстречу.

Его руки — я запомню их навсегда — медленно спускались по моему телу, и везде, где они касались, загоралось что-то тёплое, тягучее, незнакомое. Я вцепилась в его спину, и кожа его под моими пальцами была гладкой, горячей, и я слышала его дыхание — неровное, срывавшееся, — и понимала, что он тоже чувствует. Что не только я.

— Ты уверен? — прошептала я, когда он надо мной навис, и в голосе моём не было страха — только нежность.

— Ты спросишь это каждый раз? — он улыбнулся.

— Не знаю. Я никогда...

— Я знаю.

И он вошёл в мою жизнь — не только в этот момент, а целиком, полностью, без остатка. Была боль — короткая, острая, как вспышка, — и я вскрикнула, и он замер, и губы его прижались к моему виску, и я слышала, как он дышит, как сдерживается, и эта его сдержанность трогала сильнее любых слов.

— Всё хорошо, — я обхватила его ногами, притянула ближе. — Не останавливайся.

И он не остановился. Медленно, осторожно, будто учил меня танцевать — двигался, и я двигалась за ним, неуклюже, жадно, и боль растворялась в чём-то другом — в тепле, в ритме, в ощущении, что я наконец-то не одна. Что меня держат. Что я кому-то нужна — не как работница, не как отличница, не как сирота из Воронежа, а как женщина.

Потом мы лежали рядом, и я смотрела в потолок, и Москва мерцала за окном, и я думала: вот оно. Вот то, чего я боялась больше всего. Не неудачи. Не бедности. А вот этого — чувства, когда кто-то нужен тебе больше воздуха. Потому что от этого чувства до потери — один шаг.

— — —

Свою первую беременность я планировала очень тщательно. Решила оставить мысли о бизнесе, о карьере — училась, правда, но главное было другое: я хотела стать мамой. Хотела так, как когда-то хотела поступить в МГУ — с той же жадной, бессонной тягой.

Но в московских клиниках забеременеть не удалось. Мы прошли все протоколы, все анализы, все процедуры. Я делала себе уколы, считала дни, измеряла температуру, плакала в ванной, чтобы он не видел. И тогда он сказал:

— Мы летим в Швейцарию.

— Это дорого, — я сказала, и он рассмеялся.

— Для кого-то — да.

В Швейцарии получилось. С первой попытки. И когда врач показал мне на экране маленькую пульсирующую точку — я заплакала. По-настоящему, в первый раз за годы. Он стоял рядом и держал мою руку, и я видела, что у него глаза блестят тоже.

Через положенное время у меня родился сын. Маленький, крикливый, с кулачками, сжатыми так крепко, будто он уже готов был бороться с миром. Я назвала его — но это имя пока останется между нами.

— — —

А потом пришла новость.

Не сразу. Через несколько месяцев, когда результаты повторных анализов легли на стол — будто кто-то аккуратно подложил бомбу и ушёл. По ошибке клиники донорский материал моего мужа заменили на другого мужчины. Генетически — мой ребёнок не был его ребёнком.

Мир рухнул. Тихо, без грохота — просто исчез.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.